

В.И. Кулаков, д.и.н., Москва

ВОИНСКАЯ СИМВОЛИКА ПОСЛЕДНИХ ВИКИНГОВ

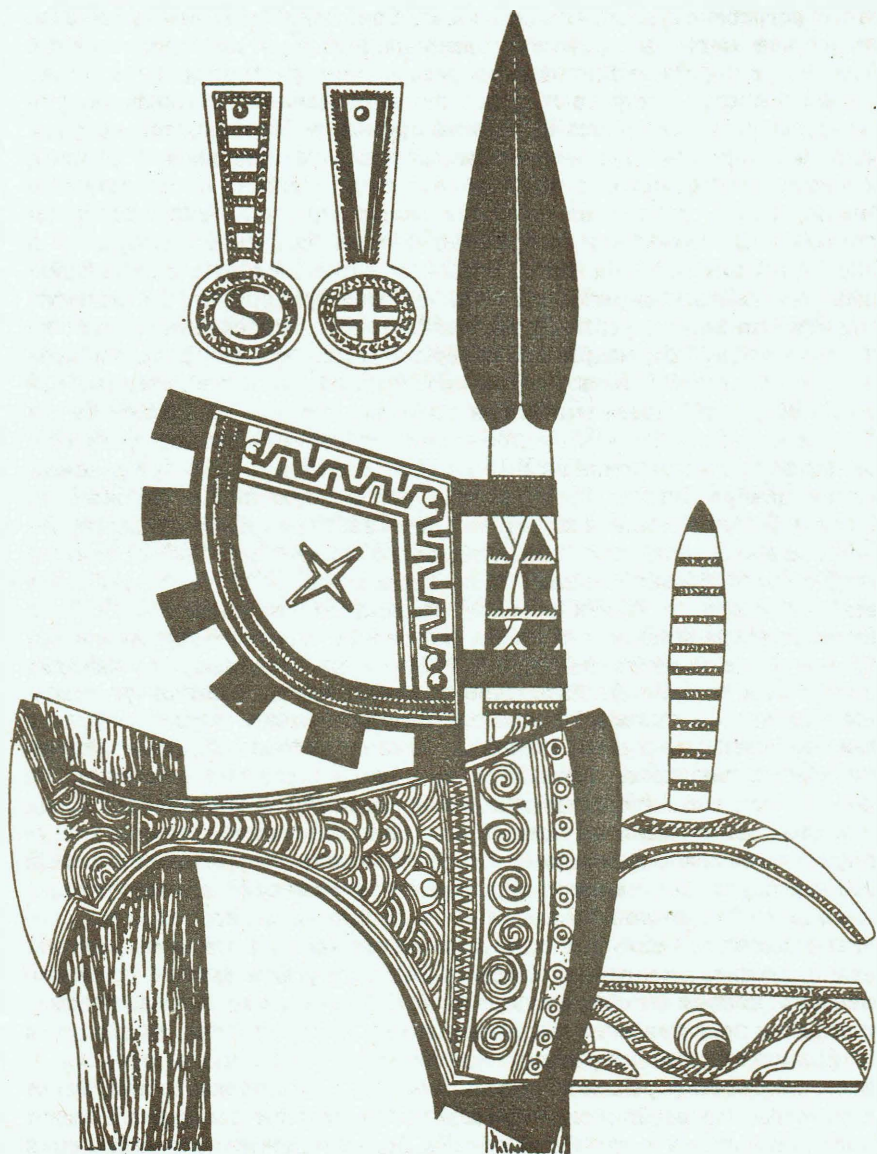
Актуальность проблемы поисков закономерностей в безграничном море европейской символики, выяснения истоков геральдики, этапов ее становления на данном этапе развития вспомогательных исторических дисциплин общепризнанна. Незнание этих закономерностей, а также принципиальных истоков символики наших исторических предшественников серьезно искажает наши взгляды на геральдику. Недавно на примере воссоздания подлинного родового герба Романовых это блестяще показал Р. Паласиос¹. Бесспорно, вышесказанное применимо и к воинской символике. Эта область знаний переживает в современной России свое подлинное возрождение. Материал, связанный с возникновением воинской символики в Европе на закате эпохи викингов, представляемый в данной статье, позволит ощутить связь между символами и эмблемами воинов современных армий и их предшественниками в далеком и грозном XI веке.

Общепризнанным авторитетом в изучении ранних форм воинской символики нашего континента является Петер Паульсен. В своем капитальном труде "Топор и крест у северных германцев" (1939 г.), в переработанном виде вторично увидевшем свет уже после войны², этот известный германский археолог доказал зарождение базовых принципов позднейшей классической геральдики (в том числе — ведущих геральдических фигур) в мире символических образов, олицетворявших языческое мировоззрение североевропейских викингов X—XI вв.³ Этот вывод подтверждается раннегеральдическим материалом материковой Европы⁴, уходящим корнями в глубокую толщу древнегерманской духовной культуры эпохи римского влияния⁵. Первыми геральдическими фигурами в Европе начала II тысячелетия нашей эры служили персонажи языческой мифологии. Среди них были жертвенные животные⁶, своим присутствием на первых гербах славянских и германских феодалов обязанные многовековому почитанию козлов, быков, баранов как мистических спутников владыки молнии и грома Перуна (у германцев — Донара-Тора), в обыденной жизни приносимых им в жертву. В качестве персональных и родовых оберегов реалистические фигуры этих животных и их символы (например — спирально завитые рога) становятся неременными атрибутами средневековой геральдики⁷. Ко второй группе представителей фауны, прочно утвердившихся в эмблематике и геральдике, относятся хищ-

ные птицы. Их изображения, украшавшие щиты прусских дружинников на рубеже X–XI в., стали в уменьшенных репликах первыми знаками профессиональных воинских формирований нашего континента⁸. Эти первые воинские эмблемы представляли взлетающего ворона, считавшегося в эпоху поздних викингов покровителем воинов. Данный реликт языческого мировоззрения также занял прочное место в личной и территориальной геральдике средневековой и современной Европы⁹.

В отличие от ранних воинских эмблем, украшавших щиты викингов и детали снаряжения последних адептов язычества и их коней, знамена, осенявшие подвиги свирепых пенителей моря, несли многофигурные композиции. Их сакральный смысл давно доказан¹⁰. На знаменах древних германцев и скандинавов третьей четверти I тысячелетия н. э. изображались символы жертв, принесенных богам для дарования победы войску. "На протяжении XI в., в период интенсивной христианизации населения Скандинавии и вполне логичной языческой реакции... на стягах появляются крест и дракон – символы последнего жертвоприношения языческих богов, битвы Тора"¹¹. Крест не является здесь христианским символом, как на знаменах ранне-средневековых воинов Южной Испании¹², а является символом сокрушительного оружия Тора – метательного топора-молота, которым повелитель молний поразил в последней вселенской битве ("Рагнарек" скандинавских легенд) олицетворение мирового зла – змея Ёрмунганда. Его причудливо изогнутое тело на исходе эпохи викингов также представлено в череде образов воинской символики. Примером применения широкого спектра таких образов служит комплекс снаряжения вождя, являющимся последним по времени захоронения викингом в юго-восточной Балтии. В 1978 г. при раскопках погребения 16 (У-16) могильника Ирзекапинис (Зеленоградский район Калининградской области России) обнаружены остатки двух трупосожжений. Одно из них содержало останки воина, отправленного в иной мир, в соответствии с традициями викингов, в ладье. Ему сопутствовала женщина, погребенная согласно прусским обычаям. Захоронение знатного воина с женщиной характерно для дружинных древностей Северной и Восточной Европы IX–X вв.¹³ Если к инвентарю женщины в У-16 относился лишь изготовленный на гончарном круге сосуд, то снаряжение захороненного здесь воина поражало своим великолепием. Бронзовая фибула, служившая застежкой его плаща, была покрыта листовым серебром. Этот драгоценный металл покрывал лезвие топора, втулки двух копий, детали рукояти меча, подвеску к его портуpee, сегментовидную железную пластину, аксессуары конского снаряжения. Лишь железные и бронзовые детали ведра, предназначенного для поения боевого коня, были лишены серебряного покрытия¹⁴. Такая необычная даже для древностей викингов роскошь

этого погребения объясняется просто. Воин из Y-16 занимал явно не последнее место в дружине, базировавшейся в непосредственной близости от пролива Брокист, прорезавшего в раннем средневековье Куршскую косу. С торговых судов, шедших неманским отрезком пути "из варяг в греки" через Куршский пролив в Балтику, при проходе через этот пролив прусские воины взымали с купцов дань. Торговцы, видимо, расставались с частью своего достояния, состоявшего в значительной степени из арабских монет-диргемов. Этим серебром пруссы и покрывали различные детали воинского снаряжения последних викингов Балтии¹⁵. Белый цвет считался пруссами священным, тем самым покрытое серебром оружие приобретало магическую защиту. Эта защита усиливалась орнаментом с неперенным сакральным смыслом. Так, например, навершие и перекрестие рукояти меча из Y-16 украшено стилизованными изображениями переплетенных тел змей. Возможно, здесь мы видим отголосок сюжета последней битвы Тора и Мирового Змея¹⁶. Предположение о такой сюжетной трактовке орнамента на мече воина из Y-16 находит подтверждение при рассмотрении декора остальных предметов его вооружения и снаряжения (рис. 1). Сегментовидная железная пластина, плакированная серебром, несет изображение явно нехристианского креста, частично обрамленного зигзагообразной линией. И по параметрам, и по типу орнамента эта находка относится к разряду воинских ("штурмовых") значков викингов, крепившихся к втулке копья на суше или водружавшихся на полубаке корабля на море¹⁷. Рисунок на этом знамени находит аналогии в знаменном материале Скандинавии и является упрощенным вариантом сюжета битвы бога Тора (его молот символизируется крестообразной фигурой) с Мировым Змеем (зигзагообразная полоса, опоясывающая часть периметра знамени). Железная пластина, на поверхность которой, покрытую серебром, путем проковки бронзовых и медных полос были нанесены соответствующие изображения, крепились при помощи заклепок к кожаной основе. Кожаные петли этой основы позволяли надевать это знамя ("штурмовой" значок, определявший место вождя в битве) на копье. Орнамент на его втулке специально оставлял место для этих двух петель (рис. 1). Один из участников последней схватки сил Добра и Зла – Мировой Змей – представлен на покрытой серебром шпоре из Y-16. Правда, мифическое пресмыкающееся представлено здесь в виде крылатого дракона, имевшего в мифологии пруссов охранительное значение¹⁸. Особый интерес вызывает наконечник ремня портупей меча (рис. 1, вверху слева). Ранее считалось, что изображения на нем воспроизводят священный молот владыки молний и серпики луны¹⁹. Однако сочетание изображения креста и аббревиатуры "S = SANCTUS" характерно для памятников раннесредневековой христианской культуры. Возможно, мастер, изготавливавший снаряжения для викинга из Y-16, решил воспользо-

Вооружение и снаряжение викинга.
Погребение У-16 могильника Ирзекапинис.

ваться символикой западных соседей пруссов, дабы сделать мистическую защиту своего заказчика еще более действенной. Наконец, лезвие метательного топора из Y-16 украшает рисунок птичьих перьев, удачно сочетающегося с общим контуром этого оружия, воспроизводящим птичье крыло²⁰. Тем самым этому оружию дальнего боя давалась дополнительная, мистическая мощь в поражении противника на расстоянии. Кроме того, шип в нижней части лезвия топора предназначался для закрепления топора после метания его в фальшборт вражеской ладьи. При удачном броске шкот, крепившийся в отверстии в центре лезвия, делал два корабля скрепленными между собой, что облегчало последующий абордаж.

Разумеется, столь роскошно декорированное оружие не могло принадлежать рядовому дружиннику и являлось собственностью вождя. Это подтверждается находкой в Y-16 "штурмового" значка, а также особым даже для богатой находками земли пруссов обилием предметов инвентаря в данном погребении. При этом фигуры и композиции, украшавшие оружие в Y-16 никоим образом нельзя считать эмблемами: они уникальны и представляют собой вариации в пределах безбрежного моря североевропейской языческой символики позднего этапа эпохи викингов. Во второй четверти XI века, когда было совершенно захоронение вождя из Y-16, подобный спектр символических изображений сохраняется лишь в юго-восточной Балтии. В самой Скандинавии (пожалуй, за исключением острова Готланд) искусство викингов в это время переживает тяжелейший кризис. Былые пенители морей христианизируются и переходят под королевские знамена. Находящиеся под государственным контролем воинские формирования нуждаются в новой символике, отражающей как христианскую идеологию, так и верность своему монарху. Таким образом, воина, инвентарь которого был представлен в этой статье, можно считать если не последним викингом Балтии, то последним из вождей вольных дружин, захороненным при полном соблюдении былых языческих традиций. Воины, хоронившие его ушли в мир иной, как показали дальнейшие раскопки могильника Ирзекапинис, уже без того блеска сакральных символов, которыми было покрыто оружие их вождя или вообще покинули уже негостеприимный для них берег Балтийского моря²¹. Воин, оружие которого сохранилось до наших дней в Y-16, не мог не понимать неминуемое поражение в "последнем и решительном" бое, который вели в середине XI века викинги его дружины с войсками скандинавских конунгов за право контроля над торговыми путями на Балтику. Поражение викингов было предопределено самим ходом истории. Это символизировал сакральный декор на оружии последних воинов свободной Балтии, воспроизводивший сюжет Рагнарёка, последней битвы богов, из которой они уже не вышли победителями. Власть молота Тора на севере Европы сменялась

господством креста – символа казни и воскресения некогда безвестного жителя Иудеи.

Итак, ранее неведомый для нас мир материальной и духовной культуры раннесредневековых пруссов скрывает массу информации о ранней воинской символике. Стала ясной основная ее функция – формирование сакральной защиты воина. Интересно, что, наряду с выполнением этих функций, ранняя воинская символика выполняла также понятные современному читателю функции значков различия (коллективно символических изображений на оружии рядового воина в десятки раз было меньше, нежели на снаряжении вождя дружины). Кроме того, отдельные предметы (прежде всего – мечи) с роскошно выполненным сакральным декором являлись знаками отличия и вручались вождями своим дружинникам в воздаяние их верности и проявленного в битве героизма: "Корабельного Беовульф/ одарил караульщика/ золоченым мечом,/ дабы этим отличием/ древним лезвием/ страж гордился..."²².

Поразительно то, что по сей день тот набор символов, которым пользовались оружейники и златокузнецы – фигуры в виде крестов, зигзагов, крыльев птиц, всевозможного рода плетения активно и в значительной степени неосознанно используются при создании символики современных армий. Изучение истоков европейской символики позволит по-новому взглянуть на наши современные проблемы: знание исторического материала предоставит специалистам современных армейских геральдических служб обширную базу данных для осмысленной творческой работы, причем как в плане изобразительном, так и в отношении духовного значения элементов воинской символики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Паласиос Р. Родовой символ Романовых // 275 лет Геральдической службы России. Спб., 1997, с. 41, 47.

² Paulsen P. Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa, Bonn, 1956.

³ Ibid., S, 111, 162.

⁴ Paulsen P. Prunkwaffen der Niederlausitz // Altschlesien, Bd. 7, 1937, H. 1, S. 116.

⁵ Ulmenstein C.U.F. Über Ursprung und Entstehung des Wappenwesens, Berlin, 1935, S. 17.

⁶ Heydebrand-Lasa F. Die bildliche Darstellungen auf Prunkwaffen germanisch-slawischer Berührungsgebiete und ihre Bedeutung für die genealogische Geschichtsforschung // Altschlesien, Bd. 8, 1939, S. 143, 144.

⁷ Кулаков В. И. Культурное оружие балтов и славян X–XII вв. // Slavica, Antiqua, t. XXXIII, Poznan, 1991/92, с. 127.

⁸ Кулаков В. И. Птица-жизник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // Советская археология, 1988, № 3, с. 115.

- 9 Кулаков В. И. Вороны викингов и орлы Империи // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1996, с. 57.
- 10 Paulsen P. Feldzeichen der Normannen // Archiv für Kulturgeschichte, Bd. 39, 1957, H. 1, S. 37.
- 11 Кулаков В. И. Знамена дружин Балтийского региона // Советская археология, 1989, № 4, с. 69.
- 12 Paulsen P. Feldzeichen..., S. 12.
- 13 Кулаков В. И. Погребения военачальников прусской дружины // Краткие сообщения Института археологии, № 198, 1989, с. 43.
- 14 Кулаков В. И., Древности пруссов VI—XIII вв. Свод археологических источников, вып. Г 1-9, М., 1990, с. 74, 75.
- 15 Кулаков В. И. Что мы знаем о древних пруссах // Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны, Калининград, 1996, с. 52.
- 16 Кулаков В. И. Военская магия мечей викингов // Арт-квадрат, Калининград, 1996, № 1, с. 31.
- 17 Кулаков В. И. Знамена дружин..., с. 64.
- 18 Кулаков В. И. Истоки геральдики российских "выезжих из Пруссии" родов // Гербовед, № 2, 1993, рис. 2.
- 19 Кулаков В. И. Аустеравия // Родина, М., 1997, № 2, с. 27.
- 20 Кулаков В. И. Семантика оружия пруссов // IX Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии, часть I, Тарту, 1982, с. 186.
- 21 Кулаков В. И. Социальная стратиграфия могильника Ирзекапинис // Социальная дифференциация общества (поиски археологических критериев). М., 1993, с. 115.
- 22 Беофульф // Библиотека Всемирной Литературы, М., 1975, с. 119.